

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛОИС МАКМАСТЕР БУДЖОЛД

КОЛЬЦА ДУХОВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б90

Серия «Фантастика: классика и современность»

Lois McMaster Bujold

SPIRIT RING

Перевод с английского *И. Гуровой*

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения Lois McMaster Bujold, представленного
Spectrum Literary Agency и агентства Nova Littera SIA.

Буджолд, Лоис Макмастер.

Б90 Кольца духов : [роман] / Лоис Макмастер Буджолд ; [перевод с английского И. Гуровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 448 с. — (Фантастика: классика и современность).

ISBN 978-5-17-185690-8

Только вчера шестнадцатилетняя Фьяметта осваивала секреты мастерства под руководством своего знаменитого отца, скульптора и ювелира Просперо Бенефорте, планируя, как ее мечты воплотятся в сотни прекрасных произведений — от изысканных ваз, блюд и солонок до колец и ожерелий.

Сегодня же Фьяметта — обездоленная беглянка, в одночасье лишившаяся и дома, и всех надежд. Но ей придется быстро повзрослеть, потому что лишь она одна обладает достаточными знаниями, чтобы противостоять демоническим козням...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-185690-8

© Vonda N. McIntyre, 1978
© Перевод. И. Гурова, наследник, 2026
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2026

ГЛАВА 1

Бьяметта повернула ком теплой красной глины, держа его в пальцах.

— Вы полагаете, батюшка, оно уже готово? — спросила она с тревогой. — Можно его разбить?

Ее отец накрыл ком ладонью, проверяя температуру.

— Еще нет. И положи его! В руках он быстрее не остынет.

Она вздохнула от нетерпения, но положила глиняный шар на рабочий стол под лучи утреннего солнца, лившиеся сквозь железную решетку окна.

— А вы не могли бы наложить на него остужающее заклятие?

— Вот я наложу остужающее заклятие на тебя, девочка, — засмеялся он. — Слишком уж много в тебе от стихии огня. Даже твоя мать это говорила. — Мастер Бенефорте машинально перекрестился и склонил голову, как положено, когда вспоминают покойников. Смех в его глазах поугас. — Не гори так жарко. Жар до утра сохраняют угли, если их сгрести в кучу.

— Но с ними спотыкаешься в темноте! — возразила Фьяметта. — Что горит жарко, горит ярко!

Она уперлась локтями в стол и, ерзая туфелькой по плиткам пола, посмотрела на плод своих трудов. Глина с золотым сердцем. В воскресных проповедях епископ Монреале частенько повторял, что человек есть прах. А прах ведь та же глина! На нее нахлынуло ощущение, что она едина с шаром на столе. Буроватый, неуклюжий снаружи (она опять вздохнула), но исполненный тайного обещания, если бы только его можно было взломать.

— Вдруг оно получилось с изъяном, — сказала она тревожно. — Пузырек воздуха... грязца...

Неужели он не чувствует его? Чистого, высокого тона, точно биение маленького сердца?

— Тогда ты его опять расплавишь и начнешь все сначала, пока не получится. — Ее отец пожал плечами. — Вина будет твоя, и поделом! Незачем было торопиться залить форму без меня. Ну, металл не пропадет. То есть не должен пропасть. Я тебя поколочу, как настоящего подмастерья, если ты позволишь себе такие штуки, на которые горазды подмастерья. — Он свирепо нахмурился, но не всерьез, как заметила Фьяметта.

Ее тревожила не потеря металла. Но она не собиралась открывать свою тайну, рискуя навлечь на себя неодобрение или насмешки. Когда она услышала шаги отца в прихожей, то тут же поплевала на фигуру, стерла ее рукавом, а символические предметы — соль, засушенные цветы, кусочек самородного золота, зерна пшеницы — смахнула со стола вместе с листком указаний, переписанных самым лучшим

ее почерком. Фартук, в который она их смахнула, приютился на краешке стола, жутко бросаясь в глаза. Отец ведь разрешил ей применить только золото, а не... Она прислонилась бедром к высокому табурету, потерла кожаный фартук, прикрывавший ее серое шерстяное платье, и втянула носом знобящий весенний воздух, который проникал в комнату сквозь незастекленное окно. «Но он сработал! Мой первый вклад сработал. Или хотя бы... не навредил».

Тяжелую дубовую входную дверь сотряс стук, и сквозь нее пробился мужской голос:

— Мастер Бенефорте! Эй, в доме! Просперо Бенефорте, вы что, спите?

Фьяметта вскарабкалась на стол, прижала лицо к решетке, заглядывая за край оконной ниши.

— Двое мужчин... дворецкий герцога мессер Кистелли, батюшка. И. — она просияла, — капитан швейцарец.

— Ха! — Мастер Бенефорте поспешно снял собственный кожаный фартук и расправил тунику. — Может, он наконец принес мою бронзу! Пора бы уж! Никто не отодвинул засовы на двери нынче утром? — Он высунул голову в другое окно, выходящее во внутренний дворик, и взревел: — Тесео, отвори дверь! — Его седеющая борода металась влево и вправо. — Где этот ленивый мальчишка? Беги открой дверь, Фьяметта. Только подбери волосы под чепчик, ты растрепана хуже прачки!

Фьяметта спрыгнула на пол, развязала ленты простенького чепчика из белого полотна и принялась зачесывать пальцами черные кудри, которые выбились

наружу, пока она была поглощена работой. Затем завязала ленты потуже, но все равно пышные кудри вырывались из-под чепчика сзади и ниспадали заметно ниже плеч. Она пожалела, что поторопилась и не заплела их в косу на заре; прежде чем мчаться разводить огонь в маленьком горне с тиглем в углу мастерской до того, как отец проснется и спустится вниз. Еще лучше было бы надеть кружевной чепчик из Брюгге, который ей прошлой весной подарил отец в день ее пятнадцатилетия.

Стук возобновился.

— Эй, в доме!

Фьяметта, пританцовывая, пробежала по каменному полу прихожей, отодвинула засов, открыла дверь и сделала реверанс.

— Доброе утро, мессер Кистелли. — И чуть смущеннее: — Капитан Окс!

— А, Фьяметта. — Мессер Кистелли кивнул ей. — Мне нужен мастер.

Мессер Кистелли носил длинные черные одеяния будто ученый муж. Гвардеец, Ури Окс, был одет в ливрею герцогского дома — короткая черная туника с рукавами в красные и золотые полосы, черные чулки-трико. В это мирное утро он не надел ни металлического нагрудника, ни шлема, не взял с собой пики — только меч свисал с его бедра. Каштановые волосы прикрывала черная бархатная шапочка с кокардой герцога Монтефолья. Кокарду — пчела на цветке — ему сделал мастер Бенефорте, и позолоченная медь выглядела совсем как золото, не выдавая относительной бедности капитана. Швейцарец половину своего жалованья посылал на

родину матери, шепотом рассказывал мастер Бенефорте, покачивая головой, то ли в восхищении от такой сыновней преданности, то ли осуждая такую нерасчетливость — Фьяметте это так и осталось неясным. Однако чулки обтягивали ноги капитана Окса без единой морщинки, не повисая складками, как у тощих юных подмастерьев или у высохших стариков.

— От герцога? — с надеждой спросила Фьяметта. Кожаный кошель, свисавший с пояса мессера Кистелли рядом с его очками, выглядел пузатеньким самым многообещающим образом. Но с другой стороны, герцог всегда обещает, говаривал батюшка. Фьяметта проводила их в большую мастерскую, где их встретил мастер Бенефорте, приветственно потирая руки.

— Доброе утро, почтенные господа! Уповаю, вы принесли мне хорошие вести о бронзе, которую герцог Сандрино обещал для моей великой работы? Шестнадцать чушек меди, вот как! Не меньше. Все уже устроено?

Мессер Кистелли только плечами пожал на такую настойчивость.

— Еще нет. Хотя, думается мне, мастер, к тому времени, когда будете готовы вы, будет готов и металл. — Он чуть насмешливо приподнял бровь, и мастер Бенефорте нахмурился. Фьяметта затаила дыхание: он умел учуять даже легкий намек на оскорбление, точно охотничья собака — дичь. Однако мессер Кистелли продолжал, погладив кошель на поясе: — Я принес вам от его светлости деньги на дрова, воск и плату подручным.

— Даже я не такой великий заклинатель, чтобы сотворить бронзу из воска и поленьев. — проворчал мастер Бенефорте. Но руку за кошельком протянул.

Мессер Кистелли чуть повернулся.

— О вашем умении, мастер, речи нет. Его светлость усомнился в быстроте вашей работы. Быть может, вы набираете слишком много заказов в ущерб всем?

— Я должен использовать свое время с толком, иначе моим домашним будет нечего есть, — уничтожающе сказал мастер Бенефорте. — Если его светлости герцогу будет угодно, чтобы его супруга перестала заказывать украшения, ему следует поговорить с ней, а не со мной.

— Солонка! — требовательно сказал мессер Кистелли.

— Тржусь над ней не покладая рук. Как я уже докладывал вам.

— Да, но окончена она?

— Осталось только наложить эмаль.

— И, быть может, действенное заклятие? — заметил мессер Кистелли. — Его вы уже наложили?

— Нет, не наложил! — произнес мастер Бенефорте тоном оскорбленного достоинства. — Ваш господин ждет от меня не призрачного заклятия знахаря или знахарки. Это заклятие неотъемлемое, накладывается с каждым ударом моего чекана.

— Герцог Сандрино поручил мне узнать, как продвинулась работа, — сказал мессер Кистелли чуть уступчивее. — Пока еще не объявлено, но мне велено сообщить вам под секретом, что идут переговоры о помолвке его дочери. И он желает, чтобы солонка была кончена вовремя для пира в честь помолвки.

— А! — Лицо мастера Бенефорте просветлело. — Случай, достойный моего творения. А на какое время назначен пир?

— На конец месяца.

— Так скоро! А кто же предполагаемый счастливый жених?

— Уберто Ферранте, синьор Лозимо.

Наступила многозначительная пауза.

— Теперь я вижу, почему его светлость так торопится.

Мессер Кистелли опустил ладони, кладя конец дальнейшим обсуждениям.

— Фьяметта! — Мастер Бенефорте повернулся к дочери и снял с пояса связку ключей. — Сбегай за золотой солонкой в сундуке у меня в спальне. Только не забудь запереть и сундук и дверь.

Фьяметта взяла ключи и вышла чинной походкой скромной девицы — не приплясывать же под взглядом капитана! Зато по лестнице из внутреннего двора на верхнюю галерею она взбежала, прыгая через две ступеньки.

В большом, обитом железом сундуке в ногах кровати ее отца хранились десяток переплетенных в кожу книг, несколько толстых пачек бумаг и заметок, перевязанных лентами (она с тревогой попыталась припомнить, уложила ли она их в прошлый раз строго по порядку) и лакированная шкатулка. Сундук благоухал запахами бумаги, кожи, чернил и магии. Она вынула тяжелую шкатулку, заперла сундук, а потом и комнату железными ключами с бородаками прихотливой формы. Она почувствовала, как предохранительные заклятия скользнули на место вме-

сте с засовами — легкое жжение в кончиках пальцев. Очень мощные, раз их вообще можно ощутить, памятуя, как ее отец стремится овладевать все новыми тонкостями своего искусства. Она спустилась в мастерскую. Ее легкие кожаные туфельки ступали по каменному полу почти бесшумно. Приближаясь к двери, она услышала голос капитана, и его слова заставили ее замереть у косяка.

— ...так матушка вашей дочери мавританка или арапка?

— Да эфиопка же! — вставил мессер Кистелли. — Она была вашей рабыней?

— Нет, она была христианкой, — ответил отец Фьяметты. — Из Бриндизи. — В его тоне Фьяметта различила сухость, относящуюся то ли к христианкам, то ли к Бриндизи, этого она решить не могла.

— Она, видимо, была красавица, — учтиво заметил капитан.

— Что так, то так. Да и я не всегда был такой дряхлой развалиной, каким стал сейчас. До того, как мне перебили нос, а волосы поседели.

Капитан Окс виновато хмыкнул, давая понять, что он вовсе не намекал на наружность мастера. Мессер Кистелли, человек тоже далеко не первой молодости, одобрительно усмехнулся.

— Она унаследовала ваш талант в вашем искусстве, мастер Бенефорте, хотя и не ваш нос? — осведомился мессер Кистелли.

— Она бесспорно куда искуснее моего косорукого подмастерья, который годится только, чтобы дрова носить. Ее рисунки и модели очень хороши. Ей я этого, конечно, не говорю, ведь нет ничего мерзее гор-

дой женщины. Я позволил ей работать с серебром. А только что — и с золотом.

Мессер Кистелли испустил надлежащее изумленное «о» и добавил:

— Но я имел в виду ваше другое искусство.

— А-а. — Голос мастера Бенефорте куда-то ускользнул, оставив вопрос без ответа. — Такая напрасная трата усилий обучать дочь, которая все плоды вашего обучения и ваши секреты отдаст мужчине, ставшему ее мужем. Хотя, ежели некие благородные особы будут недоплачивать то, что положено художнику моего ранга, ее знания, возможно, окажутся единственным приданым, какое я за ней дам. — Он испустил тяжкий многозначительный вздох в сторону мессера Кистелли. — Я вам не рассказывал, как папа пришел в такой восторг от прекрасной золотой медали, которую я ему вычеканил для его облачения, что удвоил мою плату?

— Да, несколько раз рассказывали, — быстро вставил мессер Кистелли, — но без толку.

— Он намеревался, кроме того, сделать меня мастером монетного двора, но тут мои враги нашептали ему всякие клеветы, обвинив меня облыжно в некромантии, и я год гнил в темнице замка Святого Ангела...

Фьяметта слыхивала и эту историю. Она отступила на два-три шага, шумно зашаркала подошвами по плитам и вошла в мастерскую. Осторожно поставила ореховую шкатулку перед отцом и отдала ему ключи. Он улыбнулся, обтер руки о тунику и, шепотом произнеся какое-то слово, открыл крышку. Потом отогнул края шелковой обертки, извлек содер-

жимое и поставил среди прямоугольничков солнечного света на столе.

Золотая солонка засверкала, заискрилась, и у обоих посетителей перехватило дыхание. Фигуры были укреплены на овальном основании из черного дерева, богато изукрашенном. Прекрасная нагая женщина и сильный бородатый мужчина с трезубцем в руке (фигуры из золота величиной в ладонь) сидели, сплетя ноги.

— Как иные заливы заходят внутрь земли, — увлеченно объяснял мастер Бенефорте символический смысл этого.

Корабль (Фьяметте он казался более похожим на лодку) возле руки морского царя был самой тонкой работы и предназначался для соли; греческий храмик под изящно задрапированной рукой Земли-царицы служил перечницей. Вокруг мужчины резвились морские кони, рыбы и какие-то непонятные ракообразные; возле женщины радовались жизни счастливые создания суши.

У капитана отвисла челюсть, а мессер Кистелли отцепил очки от пояса, водрузил их на нос и жадно впился глазами в чудесную работу. Мастер Бенефорте, зримо надуваясь гордостью, указывал на мельчайшие, но важные детали и упивался изумлением своих посетителей. Первым опомнился мессер Кистелли:

— Да, но действует ли она?

Мастер Бенефорте щелкнул пальцами:

— Фьяметта! Принеси мне две рюмки и вина — кислого, которое Руберта употребляет для стряпни, а не хорошего кьянти. И еще белого порошка, которым она травит крыс в кладовой. И побыстрее!

Фьяметта убежала, наслаждаясь своей тайной. «Дельфинов нарисовала я! И зайчиков». Позади нее раздался громовой голос мастера Бенефорте, вновь призывающего Тесео, подмастерья. Она пронеслась через дворик в кухню и, прежде чем Руберта успела выговорить ей за спешку, объявила:

— Батюшке нужно...

— Да, девочка, побьюсь об заклад, обед ему тоже будет нужен, а огонь в печи погас. — Руберта ткнула деревянной ложкой в сторону выложенной голубым кафелем печи.

— Только и всего! — Фьяметта нагнулась, открыла чугунную дверцу и повернула лицо так, чтобы взглянуть в темный квадрат. Она на мгновение привела свои мысли в полный порядок. — Пиро!* — еле выдохнула она. Над погасшими углями взметнулись и затанцевали яркие голубовато-желтые языки пламени. — Этого должно хватить. — Она с удовольствием ощутила у себя на языке жар заклатья. Ну, хотя бы одно у нее получается. Вот даже батюшка об этом знает. А если одно, так почему бы и не другое?

— Спасибо, душенька, — сказала Руберта, повернувшись, чтобы взять чугунный котелок. Ароматы, веявшие над доской для рубки, свидетельствовали, что она намерена сотворить чудеса из лука, чеснока, розмарина и весеннего ягненка.

— Не стоит благодарности.

Фьяметта быстро положила на поднос все, что требовалось для показа, а рядом поставила две рюмки венецианского стекла — две прозрачные рюмки,

* Пир о — огонь (греч.).